О кризисе интеграционной концепции ОТГ

Комментарий Центра АРВАК, 12.11.2026

Аннотация

Центр АРВАК анализирует итоги XIII саммита Организации тюркских государств (ОТГ) в Анкаре. Рассматриваются разногласия между ключевыми участниками объединения: стремление Турции к политизации и милитаризации формата столкнулось с позицией Казахстана и Узбекистана, отстаивающих исключительно торгово-экономический и культурно-гуманитарный векторы сотрудничества. Особое внимание уделено инициативе Астаны по вовлечению РФ в формат «ОТГ+», дипломатическому демаршу Азербайджана и внешним факторам, ограничивающим реализацию концепции «Великого Турана».

Ключевые слова: *Организация тюркских государств (ОТГ), Анкарский саммит, Турция, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Россия, Великий Туран, евразийская интеграция, многовекторная политика.*

1. Разногласия на XIII саммите ОТГ: экономика против милитаризации

Вопреки официальным итоговым коммюнике правительств государств–участников Организации тюркских государств (ОТГ) о выходе тюркской интеграции на новый этап по итогам XIII саммита, состоявшегося 30 октября 2026 года под девизом *«Тюркский век: единство в языке, мысли и деле»,* форуму в Анкаре не удалось скрыть глубину существующих между сторонами разногласий. Сложившаяся ситуация ставит под сомнение реалистичность перспектив масштабной политизации и милитаризации данного формата, к которым стремится турецкая сторона. Итоги саммита продемонстрировали, что ключевые государства Центральной Азии – Узбекистан и Казахстан – поддерживают исключительно экономический вектор интеграционных процессов и развитие культурно-гуманитарных связей, отвергая при этом концепцию трансформации объединения в военно-политический блок. Данная позиция была четко сформулирована в выступлениях президента Узбекистана Шавката Мирзиеева и президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева.

Глава Узбекистана посвятил свое выступление преимущественно перспективам торгово-экономической и финансовой интеграции государств-участников ОТГ. Тем самым был обозначен допустимый предел расширения интеграционного взаимодействия, а также выражена позиция, согласно которой этноязыковая и культурная общность рассматриваются исключительно в качестве эффективных инструментов для достижения прогресса, развития и процветания в рамках тюркского пространства. В данном контексте Ш. Мирзиеев выдвинул конкретные инициативы по учреждению «Тюркского инвестиционного фонда» и «Тюркского банка развития», а также вновь акцентировал внимание на необходимости активизации процессов по формированию «Сети логистических комплексов тюркских государств» и «Цифрового тюркского коридора». Кроме того, узбекский лидер предложил принять программу «Тюркский мир-100», предусматривающую реализацию 100 совместных стратегических инвестиционных и промышленных проектов, в том числе в сфере переработки редких минералов и локализации производства оборудования для «зеленой энергетики».

2. Инициативы Узбекистана: прагматизм и формат «ОТГ+»

Демонстрируя приверженность Ташкента концепции приоритета торгово-экономической составляющей в институциональном строительстве ОТГ и расширения

интеграционного взаимодействия за пределы единого этноязыкового ареала, Ш. Мирзиеев выступил с инициативой о начале сотрудничества с *«третьими государствами»* в формате «ОТГ+», предложив начать данный процесс с проведения профильных встреч на министерском уровне. По его оценке, подобный диалог должен быть ориентирован на практическое воплощение совместных проектов в сферах торговли, логистики и инвестиционной деятельности.

В свою очередь, тезисы, озвученные в выступлении главы Казахстана, содержали достаточно прямую и принципиальную оценку недопустимости попыток использовать потенциал взаимодействия в рамках ОТГ для формирования тюркского военно-политического блока. К.-Ж. Токаев не указал конкретных субъектов, инициирующих подобные тенденции, однако экспертное сообщество выражает консолидированную позицию о том, что данные импульсы исходят в первую очередь из Анкары. Согласно оценкам аналитиков и представителей средств массовой информации, глава Казахстана *«вступил в заочную полемику с теми, кто стремился к политизации деятельности организации и развитию военных проектов»*. Особо подчеркивалось, что фундаментальная концепция ОТГ заключается в продвижении совместных экономических, научных и образовательных инициатив.

3. Позиция Казахстана: недопустимость военно-политического блока

В целом ключевые положения выступления К.-Ж. Токаева в Анкаре в значительной степени воспроизвели концептуальные тезисы, озвученные им в середине мая 2026 г. на неформальном саммите Организации тюркских государств (ОТГ) в Туркестане (Казахстан), посвященном вопросам цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в рамках интеграционного пространства. В публикации от 30 мая 2026 г. *(«Саммит ОТГ в Туркестане: «Цифровой коридор» и кризис казахско-турецких отношений»)* Центр АРВАК представил обстоятельный анализ сигналов, направленных казахстанским руководством в ходе Туркестанского форума. Данные инициативы Астаны свидетельствовали о стремлении нивелировать попытки Анкары укрепить свою гегемонию в структуре ОТГ и не допустить трансформации организации в тюркский военно-политический альянс под эгидой Турции.

Выступление главы Казахстана на XIII Анкарском саммите окончательно закрепило ранее сформулированный им подход: Организация тюркских государств (ОТГ) должна ограничиваться интеграцией исключительно в культурно-экономической сфере, содействуя укреплению мира, процветанию и обеспечению честной конкуренции на евразийском пространстве. По оценкам аналитиков, в Анкаре К.-Ж. Токаев изложил эту позицию максимально четко и однозначно. В частности, неожиданно для участников форума он предложил *«рассмотреть возможность»* подключения Российской Федерации к тюркскому содружеству – в формате «ОТГ+» либо в статусе наблюдателя. Президент Казахстана подчеркнул, что данная инициатива полностью соответствует духу и целям проекта ОТГ, поскольку территория РФ охватывает значительную часть исторического ареала формирования тюркского этноса, а сама Россия тесно связана с тюркской идентичностью на культурно-историческом уровне.

4. Предложение о подключении РФ и реакция Анкары

В контексте продвижения собственной концепции дальнейшего развития ОТГ заявление Касым-Жомарта Токаева стало значимым дипломатическим шагом в противостоянии с турецкими оппонентами. Астана высказывает опасения относительно намерений Анкары адаптировать сложившуюся платформу тюркского содружества к параметрам доктрины *«Великого Турана»*, продвигаемой в определенных турецких кругах на протяжении более века. Данная инициатива К.-Ж. Токаева выявила сдержанное недовольство высшего руководства Турции, воздерживающегося от открытых проявлений раздражения. Вместо официальных лиц с категоричной критикой выступили представители близких к власти радикально-националистических кругов. Они охарактеризовали казахстанскую инициативу как попытку вовлечения в интеграционное объединение внешних субъектов, рассматриваемых сторонниками «пантуранизма» в качестве ключевых геополитических оппонентов и препятствия на пути к общетюркскому единству.

Однако представители турецкого руководства также посчитали необходимым принять участие в указанной дискуссии и в более сдержанной форме выразили несогласие с инициативой президента Казахстана. В этой связи примечательно официальное заявление заместителя председателя правящей в Турции «Партии справедливости и развития» (ПСР) Кюршада Зорлу, отметившего, что *«претендовать на статус наблюдателя в ОТГ могут лишь государства, утвердившие один из тюркских или родственных им языков в качестве государственного либо официального»*. Вместе с тем Зорлу заявил о готовности *«развивать взаимодействие ОТГ с тюркоязычными субъектами Российской Федерации»*. В подобном подходе турецкая сторона не усматривает противоречий, пренебрегая тем обстоятельством, что приемлемый для Анкары формат может вступать в противоречие с законодательством РФ и стратегическими интересами Москвы.

В ответ на инициативу Токаева пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков оперативно прокомментировал дискуссионную повестку ОТГ. Он сообщил, что формального приглашения российская сторона пока не получала, однако в целом заметил: *«участие страны в работе ОТГ было бы логичным и целесообразным – с учетом имеющихся связей»*. Касаясь идеи турецких политиков о непосредственном взаимодействии с определенными субъектами РФ, Песков подчеркнул неконструктивность подобного подхода. По его словам, Россия рассматривает интеграцию исключительно как единое государство, отвергая попытки искусственной *«сепарации»* гуманитарных и культурных контактов.

5. Историко-культурные аргументы Астаны и балансирование сил

В сложившихся обстоятельствах деструктивные радикально-националистические круги Турции, обладающие влиянием в том числе в правительственных эшелонах, расценили шаг президента Казахстана как внедрение «троянского коня» в тюркское объединение. С точки зрения сторонников пантуранизма, подобная инициатива ориентирована на вовлечение ключевого геополитического соперника тюркского мира, разрушающего целостность единого тюркского ареала вразрез с *«исторической справедливостью»*.

Ключевое значение имеет не столько то, получит ли инициатива Астаны поддержку в рамках содружества и какими путями Турция попытается предотвратить вовлечение России

в проект ОТГ в качестве единого субъекта, сколько сам факт резонансного предложения Касым-Жомарта Токаева. Этим шагом он продемонстрировал твердое намерение Казахстана ограничить чрезмерное влияние Анкары в организации до уровня, отвечающего интересам и амбициям Астаны. Сигнализируя Турции о поиске геополитического противовеса ее экспансии в Центральную Азию, Казахстан создает прямой вызов устремлениям Анкары по сохранению необходимого ей баланса сил и влияния в ОТГ.

Неслучайно в своем выступлении на Анкарском саммите К.-Ж. Токаев сделал особый акцент на совместных российско-казахстанских научных исследованиях, в рамках которых регион российского Алтая и горных систем Восточного Казахстана определяется как исторический ареал формирования прототюркского этноса. Наряду с проводимыми учеными из Астаны изысканиями, раскрывающими становление казахской идентичности под воздействием степной культуры Азии и ордынской цивилизации, эти исторические тезисы подрывают претензии Анкары не только на политическое лидерство в ОТГ, но и на роль монопольного ядра тюркской идентичности и главного движущего фактора интеграционных процессов.

Таким образом, Астана демонстративно отвергает любые попытки трансформации ОТГ за рамки исключительно экономико-гуманитарного и этнокультурного партнерства. Одновременно Казахстан предпринимает целенаправленные действия, направленные на ослабление доминирующих позиций Турции, стремление которой единолично определять векторы развития и навязывать стратегическую повестку сообществу встречает активное противодействие.

Политика казахстанского руководства обусловлена стремлением сформировать геополитический баланс сил в Центральной Азии. В регионе, где сохраняется остаточное влияние постсоветской России, свои позиции также активно укрепляют США, Китай, Европейский союз и Турция. В этих условиях Астана стремится найти оптимальную точку равновесия между устремлениями ключевых внешних игроков, что естественным образом ведет к ограничению турецкого присутствия.

Созданная на базе Совета сотрудничества тюркских государств (учрежденного в 1990-х годах), Организация тюркских государств (ОТГ) первоначально рассматривалась как противовес ревизионистским устремлениям Москвы и заслон на пути проникновения исламского экстремизма из Афганистана. Однако сегодня окрепшие казахстанские элиты больше не испытывают необходимости в покровительстве Анкары. Более того, чрезмерное турецкое влияние начинает вступать в противоречие с экономическими интересами Китая и Запада в Казахстане и регионе в целом.

Кроме того, турецкие инициативы в рамках ОТГ все заметнее вступают в противоречие с широким кругом обязательств и интересов Казахстана в ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. Астана ориентируется на сбалансированное распределение ресурсов многовекторного сотрудничества, стремясь направить внешнюю конкуренцию в конструктивное русло, отвечающее задачам национальной безопасности, стабильности и экономического развития. Исходя из этих приоритетов, казахстанская сторона рассчитывает на пересмотр Турцией своих амбиций и степени влияния в Центральной Азии.

Аналогичную стратегию демонстрирует и Узбекистан – другой ключевой участник Организации тюркских государств. Первоначально Ташкент относился к интеграционному

проекту сдержанно: бывший президент Ислам Каримов стремился сохранить за республикой статус ключевого центра силы в Центральной Азии и препятствовал расширению влияния Турции в регионе. Полноправным участником ОТГ Узбекистан стал лишь в 2019 году. В условиях начавшейся экономической либерализации и активного привлечения иностранного капитала новый лидер страны Шавкат Мирзиеев увидел в организации инструмент балансирования, позволяющий компенсировать неизбежный рост политического влияния Вашингтона и Пекина.

6. Стратегия Ташкента: многовекторность и внешняя конкуренция

В период после 2020 г. Узбекистану удалось обеспечить стремительное наращивание экономических связей с США и КНР, сбалансированно распределив направления сотрудничества и избежав противоречий между мировыми державами. Пекин сосредоточил инвестиции на торговых и транспортно-логистических инициативах (включая «Срединный коридор»), тогда как взаимодействие с Вашингтоном охватило сферы цифровизации, высокотехнологичного агропромышленного и индустриального сектора, а также освоения месторождений редкоземельных металлов.

Сформированная Ташкентом архитектура экономической конкуренции и взаимного дополнения ведущих мировых держав внутри страны мотивирует руководство Узбекистана пересмотреть свой подход к ОТГ и к Турции. Это надежно ликвидирует любые условия для реализации турецких намерений по трансформации тюркского содружества в военно-политический союз. Как и Астана, Ташкент убежден в отсутствии причин и целесообразности выходить за пределы прочной экономической интеграции, опирающейся на этноязыковое единство, и выражает готовность к масштабному экономическому партнерству с Анкарой во имя стабильного развития региона.

Выступая на саммите в Анкаре, Ш. Мирзиеев четко обозначил эту позицию. Он указал на наличие множества перспективных сфер, в которых участники объединения – и прежде всего Турция — способны в полной мере применить свой экономический потенциал.

Характерны выводы узбекских аналитиков, оценивающих результаты XIII саммита ОТГ и, в первую очередь, посылы Шавката Мирзиеева. Позитивно оценив итоги переговоров в Турции, эксперты сделали важную оговорку. Так, аналитик Центра прогрессивных реформ Отабек Акромов, давая оценку Анкарскому форуму, указал, что полноценное раскрытие потенциала ОТГ станет возможным *«лишь в том случае, если негласный лидер организации в лице Турции не будет стремиться выступать в качестве «большого брата» для остальных, перестанет политизировать повестку, к примеру, фокусируя внимание на кипрском вопросе, как это происходит в последнее время»*. В свою очередь, эксперты из России отмечают, что подобные выводы узбекского аналитического сообщества *«в определенной степени отражают и позицию официального Ташкента»*.

7. Демарш Азербайджана и институциональный кризис организации

Таким образом, очевидно, что устремления Анкары по расширению собственного влияния в ОТГ с последующим преображением структуры в подконтрольный военно-политический альянс наталкиваются на серьезные барьеры. Данное противодействие формируется не только в среде среднеазиатских тюркоязычных государств. Все более явные

признаки саботажа турецких инициатив проявляет Азербайджан – ключевой страновой элемент географической и геополитической оси ОТГ и главный региональный союзник Турции, без активного вовлечения которого функционирование всей платформы теряет смысл. Демонстративное отсутствие президента Ильхама Алиева на XIII саммите ОТГ в Анкаре выступает еще более убедительным маркером зарождающегося кризиса и фундаментального раскола во взглядах на векторы развития организации, чем критические заявления Ш. Мирзиеева и К.-Ж. Токаева. Ранее, в исследовании от 02.11.2026 *(«Внешнеполитический курс Баку на фоне эскалации в Передней Азии»)*, Центр АРВАК при разборе текущего охлаждения отношений между Анкарой и Баку высказал тезис о том, что игнорирование Алиевым Анкарского форума представляет собой не просто персональный демарш в отношении турецкого руководства, но и четкий сигнал Баку о намерении снизить значимость как идеи тюркской солидарности, так и самой структуры ОТГ.

Таким образом, синхронность действий и схожесть позиций Азербайджана, Казахстана и Узбекистана подчеркивают, что разногласия в ОТГ вышли за рамки частных споров. В объединении зреет глубокий институциональный кризис. Ситуация усугубляется непопулярностью среди участников содружества статуса непризнанной ТРСК (Северного Кипра), а также риском выхода Венгрии из организации в случае прихода к власти проевропейского правительства во главе с Петером Мадьяром. Все эти накопившиеся противоречия существенно блокируют амбиции Анкары, препятствуя превращению ОТГ в эффективный механизм трансформации Турции в ключевой центр силы и глобального игрока на евразийском пространстве.

В связи с изложенным гипотеза о спонтанном характере и исключительно внутреннем происхождении трений внутри ОТГ выглядит малоубедительной. Допускается, что фиксируемые трения и деградация структуры содружества направляются извне. Целью подобной координации выступает нивелирование в турецком дискурсе ультранационалистических установок пантюркизма и пантуранизма с последующим смещением амбиций, фокуса и потенциала Анкары в русло неоосманского ревизионизма и более глубокого вхождения во внутиисламское противостояние. В пользу этой трактовки указывает и оформленный летом этого года Мекканский пакт о формировании *«суннитского НАТО»*, втягивающий Турцию в гипотетическую эскалацию с государствами и группировками *«шиитского блока»* на Ближнем Востоке.

8. Внешнеполитический контекст и переформатирование региональных альянсов

Исходя из гипотезы об остром соперничестве между британо-турецкой осью и американо-израильским альянсом за выстраивание собственных моделей регионального баланса сил в Евразии, Вашингтон и Тель-Авив в настоящее время демонстрируют явное превосходство. Продвигаемая Лондоном доктрина *«Великого Турана»* сталкивается со значительными рисками и постепенно утрачивает реалистичные перспективы. В стратегически важном и ресурсоемком регионе Центральной Азии США явно отдают предпочтение самостоятельному курсу, избегая равноправного партнерства с Анкарой и стремясь перенаправить турецкую активность в зону внутриисламских противоречий на Ближнем Востоке.